

НЕСКОЛЬКО ОТВЕТОВ НА КРИТИКУ МАРКСИЗМА И НЕ ТОЛЬКО...

Д. В. Ермолович

Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники,
кафедра философии, ул. Гикало 9, 220013, Минск, Республика Беларусь
e-mail: ermolovich@bsuir.by

Кратко представлен опыт ведения критики Марксом, обращается внимание на важность критической культуры в современной научной и корпоративной практике. Предлагается пример применения критики действительности.

Ключевые слова: марксизм; критика; ревизионизм; критическая культура; архаические и коммунные формы бытия человека.

A FEW ANSWERS TO THE CRITICISM OF MARXISM AND NOT ONLY...

D. V. Ermolovich

Belarusian state University of Informatics and Radioelectronics,
Department of philosophy, Gikalo str. 9, 220013,
Minsk, Republic Of Belarus
e-mail: ermolovich@bsuir.by

The author briefly presents the experience of Marx's criticism, draws attention to the importance of critical culture in modern scientific and corporate practice. The example of application of criticism of reality is offered.

Keywords: marxism; criticism; revisionism; critical culture; archaic and communal forms of human existence.

А. Появление *марксизма* оправдывается социо-культурно-историческим кризисом: с одной стороны, мальтузианской концепцией оправдания войны, с другой, не желанием, а то и не способностью буржуазии как авангарда прогресса своей эпохи взять на себя роль своего собственного могильщика и предоставить человеческому роду реализовать свой сущностный замысел – сделать человека хозяином своей судьбы...

Речь не об историко-логической конкретности и вытекающей из конкретности необходимости – конкретно-исторически необходим был и фашизм, а конкретно-логически, в свою очередь, необходимость, так или иначе, обнаруживает себя в любой причинно-следственной связи. Вопрос о марксизме поднимает мировоззренческую оценку действительности до всеобщности, до возможности осознания человеком своей исторической роли, до выхода последнего на преобразующую деятельность.

Рассмотрим отношение Нового времени к вопросу о *критике действительности*: практическим ответом становится Великая французская революция, теоретическим – философия И. Канта. Планка критики, поднятая Кантом, на столетие определило характер

философского мышления, преодолев метафизику и классическую форму философствования. О серьезном отношении Маркса к критике можно судить не только по воспоминаниям русского литератора П. В. Анненкова: К. Марксу однажды представился повод высказаться в «защиту» и критиков, и их оппонентов следующим образом – незнание оправданием для ученого не является и при этом ударить по столу кулаком; но и со ссылками на юридическое образование Маркса, когда он к каждой фразе оппонента относится как к свидетельским показаниям, от которых могут зависеть судьбы людей, когда в анализе фразы непременно присутствует логика (Логика с большой буквы – диалектика и логика формальная), когда на анализ фрагмента Маркс реагирует страницами текста.

Узнать об опыте, культуре критики и методологии марксизма можно из Собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, где Вам откроется необходимость зрелого Маркса не только иронически фиксировать ошибки и несоответствия действительности (как в работе молодых Маркса и Энгельса «Святое семейство, или Критика критической критики» 1844 года), но и разъяснять содержание выдвигаемых положений (см. работу зрелого Маркса «Критика Готской программы» 1875 года).

В результате изучения марксистского наследия должно стать понятным, что «...марксистская методология требует, чтобы критика теории переходила в критику метода, критика метода – в критику идеологии, а критика идеологии – в критику реальной политики. Высшее проявление критики – это критика самой действительности» [1, с. 34]. Дальше только преобразование этой действительности...

В. Западноевропейский «прижизненный» *ревизионизм* марксизма обращен к поиску буквальных и формальных противоречий учения марксизма: противопоставление учения молодого Маркса и зрелого, Маркса-гуманиста и Маркса-экономиста, учения Маркса и учения Энгельса, вопросов диалектического материализма и материализма исторического, онтологических и логических проблем, природы и социума.

Я не буду давать критической развертки по данному периоду – борьбу с ревизионизмом и вульгаризацией учения начал сам Маркс, активно вели ее Энгельс, Плеханов, Ленин. В этой борьбе философия марксизма самоопределилась, приобрела атрибуты зрелой, состоявшейся философии [2]. Однако можно сослаться на «разгул» позитивизма в XIX – первой половине XX вв. и не способность позитивистской философии разрешать противоречия развития (в свою очередь, не заметив при этом собственной трансформации).

Более поздняя ревизия коснулась вопросов, связанных с изменением сущности рабочего класса, устареванием марксизма как такового, несовместимостью диалектики и материализма, технократической трансформации общества. Ревизионистская полемика перекинулась на ленинскую теорию отражения и его определение материи с обоснованием их логической несостоятельности, коснулась несовместимости стратегии и

тактики революционного движения пролетариата. Обратилась к фихтеанству и основной категории учения Фихте – «деятельности», как основанию материалистической диалектики (не марксизму-ленинизму и революционной практике), а, следовательно, свела марксистское учение к субъективизму. Обвинила марксизм в его теоретической незавершенности, т. е. ненаучности.

Здесь критика должна уже быть конкретно-предметной, исходя из характера изменившейся ревизионистской стратегии, необходимо уйти от редуccionизма, от требования всеобщего метода для частных (см. у Л.С. Выготского [3]), т. е., собственно и поставить вопрос о «ненаучности» такой критики (об отношениях ученых к «дурной» философии см. у Э.В. Ильенкова [4, с. 378–387]).

Выготский показывает на примерах из своей области научных интересов, что идеи психоанализа, рефлексологии, гештальтпсихологии и т. п. в поисках своих собственных оснований выводят эти основания (первопричины, первопринципы науки) за пределы человеческой психики: и сексуальность, и рефлекс, и гештальт... становятся объяснительными принципами действительности. Соглашаясь, что действительность в философии постигается исторически, он выдвигает культурно-историческую концепцию в психологии, где частнонаучная действительность постигается онтогенетически. Таким образом, разное содержание наук, требует и разного метода исследования, в противном случае частные науки должны редуцировать свой частнонаучный метод к общепhilosophическому и при обратном ходе построения знания мир предстает перед нами уже искаженным (не дедуцируется). В современном познании это происходит, когда в качестве оснований метатеоретических картин действительности, берется, например, информация (беспредельно расширяя объем этого понятия, обнаруживается его бессодержательность).

Ильенков обращает внимание современников на практическую роль философии в развитии общественной жизни и естествознания. Поскольку представители естествознания настойчиво и бесцеремонно проникают в область гуманитарно-социальных проблем, где частнонаучные основания остаются бессодержательными, то продуктом их «научной деятельности» становятся различные виртуальные (искусственные) модели искусственно создаваемых интеллектуальных (или не очень) систем, т. е. особым образом понимаемый сциентистский оптимизм. Реальный продукт такой узкопредметной «философии» – не скрываемый пессимизм, а то и антисциентизм. Ильенков констатирует полнейший и абсолютнейший разброд в понимании предмета философии как особой науки, в понимании круга ее специальных проблем. На первый взгляд философы «помогают» теоретикам других наук, активно вмешиваются во все, связывают философию с практикой и жизнью. На деле – поверхностное рассмотрение общих теоретических проблем, «философское рассуждательство» по их поводу. У такой «философии» им учиться нечему. В лучшем случае такое вмешательство даст некритическое обобщение действительности,

предоставит практику для применения той «логики», которую и без этого практикует сознательно любой ученый. И ни в коем случае не доведет понимание предмета философии как особой науки до *диалектики как логики и теории познания* современного материализма.

С. Можно предложить пример выхода из критики действительности на преобразование действительности (сначала теоретическое, нет ничего практичнее хорошей теории – возможно от Канта, потом прикладное).

Не комментируя политэкономический, в целом формационный, анализ исторического развития общества можно предложить содержательное расширение анализа исторического процесса на иных основаниях [5].

Собственно под историческим процессом можно понимать любую смену *архаизма* – некоторое предельное представление об устойчивости миропорядка, не сводящее понимание сущности истории к схематическим построениям прошлого, а требующее закрепления в культуре такого набора качеств жизни, которые всегда соответствуют своему времени и всегда генетически и диалектически предопределяют новые формы человеческой жизни и связанную с таким представлением смену целого набора знаковых для понимания сущности общества характеристик, например, когда матриархат сменяется патриархатом родоплеменная собственность, в конце концов, уступает место частной. Важным показателем смены архаических стадий, разрешения очередного конфликта развития выступает революция: сознания, политическая, социальная, культурная, сексуальная, научная, техническая и др.

Нетрудно связать архаичность с *коммунностью* (сущностной характеристикой общественной природы человека), отождествить формы архаики с формами коммунности: на ранних этапах человеческой природы происходит формирование еще не воли человека, а синергии (энтузиазма), когда не нужда движет «человеком», а уже потребность, проявляющаяся как поиск и жажда социальной синергии. Схематически архитекtonика исторического процесса (Схема 1) выглядит следующим образом, где архаические основания соотнесены с разного рода социокультурными основаниями понимания исторического процесса:

Форма архаики	Форма коммунности	Вопрос о сущности истории
Доархат (ДоА)	Стайность, стадность	история борьбы вида Номо за существование
Матриархат (МА, родоархат)	Общинность	история борьбы за обретение родовой сущности
Патриархат (ПА, моноархат)	Организованность	история борьбы классов
Биархат (БиА)	Органичность	история борьбы человека за человека
Внеархат (ВнеА)	Гармоничность	подлинная история, «борьба» за счастье

Схема 1. Архитектоника исторического процесса

Первичность социального субъекта (причинно-историческая) и вторичность субъекта индивидуального (с обнаруживаемыми проблемами западноевропейского индивидуализма на фоне самости, самоактуализации, поиска «нового» человека) позволяет провести архитектурный анализ «политэкономически» (Схема 2), развернуть идею о коммунности до двух форм: формально-глобальной – империализм и «космической»-миссионерской – коммунизм, связать ее с самоорганизованностью и сверхсложностью (цивилизация и культура, соответственно).

Архаика	Вопрос о производстве	Вопрос о труде	Вопрос о собственности	Вопрос о власти
ДоА	производство средств защиты	«вынужденный» труд	«природная» собственность	«диктатура» природы
МА	производство средств жизни (общения, средств потребления)	дифференцированный труд	родовая собственность	диктатура родовой морали (нормы)
ПА	производство средств производства	производительный труд	частная собственность	диктатура одного или меньшинства
БиА	производство нравственности (целей производства)	интегрированный труд	интеллектуальная собственность	диктатура большинства (демократия)
ВнеА	производство совести (смысла жизни)	универсальный труд, творчество	«нравственная» собственность	«диктатура» человека

Схема 2. «Политэкономическая» архаика

Даже беглое знакомство с представленными схемами архаической стадильности по разным вопросам действительности показывает неоднородность текущего исторического процесса. И это, в данном случае, не недостаток схематического разрешения действительности, а констатация неравномерности такого развития. Причем генетическая картина исторического развития общества, как и у Маркса, представлена перспективно, а потому и оптимистически.

Библиографические ссылки

1. Мареев, С.Н. Конкретный историзм в теории познания марксизма: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / С.Н. Мареев. – Ростов н/Д., 1985. – 37 с.
2. Ермолович Д.В. История материалистической диалектики (в конспективном изложении): метод. пособие для студ., магистр. и аспирантов всех спец. и форм обуч. БГУИР. – Минск: БГУИР, 2012. – 59 с.

3. Выготский, Л.С. Исторический смысл психологического кризиса/ Собр. соч. в 6 тт. Т.1. // Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1982. – С. 291-436.
4. Эвальд Васильевич Ильенков / Под ред. В.И. Толстых. – М.: РОССПЭН, 2009. – 431 с.
5. Ермолович, Дмитрий. Этика как практическая философия (опыт гуманистической манифестации) / Д. Ермолович. – Saarbrücken: LAP, 2014. – 180 с.